

На следующий день, рано утром, Грут проводил троих путников за пределы городка, пожелав им счастливого пути. На прощанье он отвел Джека в сторону и дал наставление: мол, оба коня нрава упрямого, с каждым нужно ладить по-хорошему.

Адеман полагал, что подобное смертельно опасное путешествие никак нельзя назвать счастливым.

Если память ему не изменяла, это было началом основного сюжета — причем сюжета крайне опасного:

городок, погрязший в смерти и грехах, в конце концов спасет Джек, главный герой, тогда как истинные жертвы будут стерты с лица земли.

По идее, Шэнь Босянь не должен был продолжать чтение после такого завязывающегося сюжета, но автор выстроил интригу столь искусно, что, с какой стороны ни посмотри на эту историю, во всем окажутся виноваты другие, а череда загадочных событий и вовсе не позволяла оторваться от чтения.

Конечно, Шэнь Босянь никогда не читал эту маньхуа ради сюжета — его привлекал Линь Шо, в которого он влюбился с первого взгляда. Поэтому сюжет для него был лишь второстепенным, да и помнил он его смутно.

Грут подвел двух коней: одного белого, другого гнедого.

Сначала Джек опасался, что Линь Шо еще слишком мал и может свалиться с лошади, но, увидев, как тот с грациозным спокойствием уцепился за лапу крылатого пса, а тот, взлетев, уверенно усадил мальчика на спину белого скакуна, все его тревоги рассеялись.

Что касается навыков верховой езды, то Джек, считавший себя искусным наездником, остался далеко позади Линь Шо.

Даже этот на вид простоватый крылатый пес, стоя на конской спине, излучал величественную ауру парящего в небесах горного орла, презирающего всё суетное мирное бытие.

Линь Шо, сидевший впереди и сжимавший поводья, управлял лошастью с непревзойденным мастерством: ему не требовалось отдавать множество команд — было достаточно лишь чуть смещать центр тяжести тела, чтобы скакун свободно лавировал в пути, а движения самого седока были раскованными и четкими.

Дух соперничества в Джеке вспыхнул мгновенно, и он принялся яростно взмахивать хлыстом, охаживая круп гнедой лошади.

Однако лучше бы он не махал кнутком: стоило ему взмахнуть им, как конь издал протяжный

ржаний звук, упрямо встал как вкопанный на тропинке, ведущей из городка, фыркнул, а затем и вовсе лег на землю и отказался двигаться.

Красивое юношеское лицо Джека покраснело от гнева, и он принялся отчитывать упрямого скакуна:

— Ты... я... да ты никчемная кляча! Мало того что плетешься еле-еле, так еще и норы показываешь! Погляди на себя, как ты собираешься догнать ту белую лошадь, как сможешь мне спасти прекрасную принцессу Анну?

Джек увлекся нравоучениями, но гнедой конь лишь зажмурился, делая вид, что задремал, да время от времени лениво помахивал длинным хвостом.

Тут Джек вспомнил напутствие Грута, наполовину веря, наполовину сомневаясь, опустился на корточки и ласковым голосом заговорил глядя в наполовину прикрытые глаза животного:

— Лошадка, лошадка, ты самая сильная и самая быстрая лошадь на свете, вставай скорее, побежим со мной вперед, хорошо? Ну же, умница!

Едва Джек договорил, как гнедой конь с воодушевлением поднялся с земли.

Увидев, что способ и впрямь сработал и эту лошадь действительно нужно было лишь уговорить, Джек бросил взгляд на белого скакуна, чей след на тропинке уже простыл, и озадаченно пробормотал себе под нос:

— И ведь я не видел, чтобы этот малец уговаривал коня, почему же белая лошадь такая послушная? Да еще и бежит так быстро?

В этот момент на спине белого скакуна Адемана, примостившийся позади и то и дело взмахивающий крыльями для поддержания равновесия, произнес поверх завывания ветра:

— Оборотень говорил, что до Городка Тернового Дерева путь неблизкий. При такой скорости коня мы, боюсь, не доберемся до его окраин до наступления темноты. Так что, мой дорогой, прекраснейший и храбрейший господин, Ваше Величество Линь Шо, нам вовсе не обязательно так спешить, сбавить темп и полюбоваться пейзажами по дороге — тоже неплохой выбор.

...и успешного решения проблемы с демонами.

Если Джек нагонит их, то шансы встретиться с Кушей возрастут, поскольку без этой ключевой зацепки попадание в городок станет делом хлопотным.

Линь Шо, разумеется, понятия не имел, что за мысли роятся в голове у Адемана, и посчитал,

что его питомец просто жалеет того мальчишку по имени Джек и хочет, чтобы они сбавили шаг и подождали его. От этой мысли на прекрасном личике мальчика тут же промелькнуло недовольство, и он холодно бросил:

— Если мы не доберемся туда до захода солнца, я приготовлю из этой белой лошади самое вкусное жаркое, и тогда будет не поздно наслаждаться пейзажами прямо во время трапезы.

Белый скакун, казалось, уловил зловещую реплику Линь Шо, издал жалобный визг, и его скорость мгновенно возросла в несколько раз по сравнению с прежней.

Адеман чуть не потерял равновесие, судорожно вцепившись передними лапами в плечи Линь Шо, а его драконья морда уткнулась в спину мальчика. Если смотреть издали, эта скачущая на всех парах под лучами солнца процессия — лошадь, дракон и ребенок — в сочетании с перепуганными движениями Адемана выглядела крайне комично.

Линь Шо недовольно нахмурился и искренне изрек:

— Глупые и слабые драконы!

В ярких больших глазах на драконьей морде Адемана читалось чистое обиженное выражение, и он принялся оправдываться:

— Мой дорогой господин, мои острые когти не должны навредить ни коню, ни вам~ Иначе я просто не смогу удержаться на спине и защитить вас, мой дорогой господин... у меня не было другого выхода.

Почувствовав искренность Адемана, Линь Шо на удивление не стал бранить его вновь, лишь задал вопрос:

— Разве вы, драконы, не умеете принимать человеческий облик?

Адеман с видом величайшего мучения выдавил из драконьих глаз пару слезинок и жалобно произнес:

— Но меня никто этому не учил, я не умею, мой уважаемый господин.

Линь Шо вновь бросил:

— Глупый дракон.

Впрочем, тон его был гораздо мягче прежнего.

Белый конь неся стрелой, и примерно во второй половине дня им преградил путь целый обоз повозок.

Кучером оказался щуплый мужчина, чье худощавое и хрупкое телосложение венчало зрелое, озабоченное лицо, заросшее густой бородой.

Он правил повозкой и попутно бранился:

— Какая напасть! Этот мелкий паршивец ускользнул от нас, мы даже не заработали достаточно, чтобы окупить его покупку!

Рядом с ним сидела дородная женщина и мягко утешала его:

— Дорогой, не стоит так убиваться. Еще скажи спасибо, что он разведал для нас дорогу и принес дурные вести оттуда, иначе мы бы уже подхватили эту странную заразу или давно занемогли.

Получив утешение, мужчина вздохнул:

— Пожалуй, это единственное доброе дело, что сделал этот проклятый заморыш. Ладно-ладно, едем дальше, надеюсь, впереди в Городке Миллю нам удастся неплохо заработать.

Лесная тропинка внезапно расширилась, впереди клубилась пыль, и неспешно двигавшийся обоз повозок перегородил всю дорогу.

Линь Шо резко натянул поводья, белый конь издал ржание и остановился как вкопанный, оказавшись нос к носу с медленно бредущими лошадьми из возглавлявшего колонну обоза.

Испуганные животные резко взметнули передние копыта, повозку сильно потрянуло, и низкорослый бородач вместе с женой кубарем скатились на дно фургона.

— Какая слепая бестия посмела перегородить мне дорогу!

Щуплый бородач вскинулся, намереваясь рассердиться, но, подняв глаза и разглядев прекрасное лицо одетого в богатые одежды Линь Шо, сидевшего верхом, мгновенно переменился в лице: его гордая осанка ссутулилась, и он почтительно, со всей осторожностью спросил:

— Благородный юный господин, куда это вы так спешите, путь держать изволите?